

ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ УЕЗДОВ ЮГА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В 1830–1850-е гг.

© **Екатерина Александровна МЯКИШЕВА**

аспирант, кафедра всеобщей и российской истории

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: kotenok.68.ru@mail.ru

Исследованы изменения численности населения губерний и уездов юга Центральной России в 1830–1850-е гг. На изменение численности населения трех рассмотренных губерний и уездов юга Центральной России в 1830–1850-е гг. влияли такие факторы, как эпидемии холеры (холерные эпидемии сопровождал голод 1833 и 1848 гг.), цинга, циклические неурожаи, сопровождавшиеся голодом в деревне (неурожаи и голод на Черноземье отмечались в 1833–1834, 1839–1840, 1848, 1856 гг.). Рост оброков и барщины привел к остановке роста крепостного населения и стагнации, продолжавшейся вплоть до реформы 1861 г. Так, с 1830-х гг. практически полностью прекратился рост абсолютной численности крепостного населения. Однако в 1850-е гг. положение стало исправляться в связи с улучшением эпидемиологического положения и возобновления указа Павла I о трехдневной барщине. При этом важно заметить, что в указанный период демографические проблемы были не только у крепостных крестьян. В целом, в 1830–1850-е гг. наблюдался рост населения в губерниях и уездах юга Центральной России, однако при этом сокращалась процентная доля крепостных крестьян.

Ключевые слова: губернии и уезды юга Центральной России; ревизии; статистика; динамика численности населения; барщина; оброк

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-3(167)-111-120

Такие историки, как Б.Н. Мионов, С.А. Нефедов и многие другие изучали демографические процессы XIX в. на губернском уровне, и только И.Д. Ковальченко, а также С.Л. Хок впервые начали их изучение на уровне отдельных уездов и поселений. В последние годы выводы С.Л. Хока о большой роли эпидемий в демографических процессах, полученные им на примере изучения села Петровское, были подтверждены в совместной работе В.В. Канищева и Ю.Ю. Коньшиной [1].

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть демографические процессы на уездном уровне на одном из отрезков XX века, второй трети этого столетия. Основным источником изучения темы послужили опубликованные еще сотрудниками Института истории СССР АН СССР окладные книги ревизских переписей 1830–1850-х гг. [2].

Темпы прироста населения России в 1810–1830-е гг. были выше, нежели в странах Европы. При этом стоит заметить, что смертность в России была выше и снижалась меньшими темпами, чем в европейских странах, поэтому высокий прирост населения объясняется высокой рождаемостью. Под влиянием ряда факторов (процесс колониза-

ции и расширение территории, значительные различия в естественном приросте населения в отдельных районах и др.) наблюдались большие колебания в росте численности населения в важнейших районах страны, в частности, и на юге Центральной России [3, с. 112].

По изменению общей численности населения на протяжении всего XIX века можно сделать вывод о сохранении этого тренда. Однако важно выяснить и то, как изменялась динамика численности населения на юге Центральной России, рассмотрев это на уездном уровне. В данной работе будут рассмотрены колебания численности населения в 1830–1850-е гг. на примере трех губерний – Воронежской, Тамбовской и Пензенской.

Тамбовскую губернию составляли 12 уездов: это Шацкий, Козловский, Спасский, Моршанский, Лебедянский, Елатомский, Темниковский – северные уезды, и южные – Тамбовский, Борисоглебский, Липецкий, Кирсановский, Усманский. Общее число селений в Тамбовской губернии к 1838 г. было 2552, из них казенных – 112 [4, л. 2]. Воронежская губерния насчитывала также 12 уездов: Бирюченский, Бобровский, Богучарский, Валуйский, Воронежский, Задонский,

Землянский, Коротоякский, Нижнедевицкий, Новохоперский, Острогжский и Павловский. В составе Пензенской губернии было 10 уездов: Городищенский, Инсарский, Керенский, Краснослободский, Мокшанский, Наровчатовский, Нижнеломовский, Пензенский, Саранский и Чембарский.

Для уточнения изменений численности населения уездов юга Центральной России в 1830–1850-е гг. рассмотрим вначале общую динамику на уровне губерний (табл. 1).

Итак, средний прирост населения по трем губерниям в 1851–1863 гг. составил примерно 17 %, что представляет собой довольно значительное повышение численности населения в рассматриваемых губерниях юга Центральной России, тогда как на промежутке в 1838–1851 гг. средний прирост равнялся 6,6 %, что значительно меньше. Сказалось воздействие неблагоприятных условий на естественное движение населения юга Центральной России, как и всей Европейской части страны, пик которого пришелся в 1840-е гг. Показатели роста населения за это десятилетие были весьма низкими. А.Г. Рашин приводит следующие примеры неблагоприятных факторов: неурожая, эпидемии холеры, воздействия войны и т. д. [5].

Так, неурожай и голод на Черноземье отмечались в 1833–1834, 1839–1840, 1848, 1856 гг. А.П. Заблоцкий-Десятковский применительно к 1841 г. писал, что «в голодные зимы положение крестьянина и его семьи ужасно. Он ест всякую гадость. Желуди, древесная кора, болотная трава, солома, – все идет в пищу. Притом ему не на что купить соли. Он почти отравляется, у него делается понос, он пухнет или сохнет. Являются страшные болезни... У женщин пропадает молоко в груди, и грудные младенцы гибнут как мухи. Никто не знает этого потому, что никто не посмеет писать или громко толковать об этом, да и многие ли заглядывают в лачуги крестьянина?» [6, с. 328].

Холерные эпидемии сопровождали голод 1833 и 1848 гг. Зима приносила с собой цингу. Воронежский губернатор сообщал, что причина распространения этих болезней «заключается преимущественно в недостатке питательной и привычной пищи... Болезнетворное влияние это еще более усиливается от недостатка в топливе, которое в безлесных уездах состоит большей частью из соломы,

употребляемой на корм животным, с раскрытием даже избыточных крыш» [7, с. 108].

В.В. Канищев и Ю.Ю. Коньшина показывают, что в трехлетие с 1840 по 1842 гг. число рождений опускалось значительно ниже среднего «трендового» уровня. Эти годы дали по губернии в целом минимум числа рождений, значительно ниже среднего за весь период. Также эти годы дали резкое повышение смертности [1, табл. 2].

«До реформы государственной деревни в 1837–1841 гг.», – как пишет Е.Ю. Иванова-Малафеева, – «нечастновладельческие крестьяне принадлежали к различным категориям, а все вместе назывались казенными поселянами. В их число входили однодворцы (232320 душ), однодворческие крестьяне (1060 душ), экономические крестьяне (44357 душ), свободные хлебопашцы (651 душа), ясачные крестьяне (29467 душ), бывшие удельные, переданные в казенное ведомство (36000 душ), ямщики (2036 душ) и прочие, проживавшие в Тамбовской губернии к 1838 г.» [8, с. 12].

Также Е.Ю. Иванова-Малафеева указывает, что в Темниковском и Шацком уездах проживали татары, селившиеся на этих землях под именем служилых и пашенных «еще со времен царствования Ивана Грозного, как свидетельствовали о том их жалованные и послужные грамоты, выписки из писцовых, отдельных и прочих книг на помещные и вотчинные земли в XVI–XVII веках. Многие из них несли тогда военную службу, и некоторые за ратные подвиги награждались переводом земли из поместья в вотчину. К 1830-м гг. примерно 5 тыс. различных групп татар проживали в Шацком, Елатомском, Темниковском, Тамбовском и Спасском уездах» [8, с. 13].

Другие категории крестьян, вошедшие в 1830–1840-е гг. в разряд государственных, были в Тамбовской губернии невелики.

Для выявления того, как менялась численность крепостных крестьян мужского пола в рассматриваемых нами губерниях между 8-й и 9-й ревизиями, воспользуемся данными П.И. Кеппена [9, с. 199-200].

Итак, мы видим убыль крепостного населения при росте общего числа жителей указанных губерний (табл. 3). Эта закономерность характерная в целом для многих губерний, рассмотренных П.И. Кеппеном.

Совокупная убыль крепостного населения за 16 лет (то есть между 1835 и 1851 гг.) составила 19709 душ мужского пола. При этом совокупный рост населения за тот же период, по данным П.И. Кеппена, составил 165096 жителей мужского пола [9, с. 200].

С 1830-х гг. практически полностью прекратится рост абсолютной численности крепостного населения. По мнению Б.Н. Миронова, то явление, которое в научной литературе получит название «вымирание поме-

щичьего крестьянства», с вымиранием не связано и возникло в результате регулирования рождаемости по причине малоземелья, больших повинностей, нежели у других категорий крестьян [10, с. 94]. Правда, в работах самых последних лет Б.Н. Миронов уже особенно «не педалирует» этот тезис, видимо осознавая, что сокращения числа крепостных в предреформенные десятилетия во многом были связаны не с контролем рождаемости.

Таблица 1
Динамика численности населения губерний юга Центральной России в 1838–1863 гг.

№ п/п	Губернии	1838 г.	1851 г.	1863 г.	Прирост в %, 1838–1851 гг.	Прирост в %, 1851–1863 гг.
1	Воронежская	1507,2	1629,7	1938,1	8,1	18,9
2	Тамбовская	1591,7	1666,5	1974,6	4,7	18,5
3	Пензенская	988,4	1058,4	1179,1	7,1	14,0

Таблица 2
Естественное движение населения Тамбовской губернии в 1834–1850 гг. [1]

Годы	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1834	72707	40874	31833
1835	75173	49384	25789
1836	82427	49485	32942
1837	81945	46585	35360
1838	79734	51233	28501
1839	87577	58353	29224
1840	64931	66760	-1829
1841	73677	77421	-3744
1842	66980	86521	-19541
1843	71502	67080	4422
1844	79135	51492	27643
1845	79263	46082	33181
1846	80452	46653	33799
1847	81588	56505	25083
1848	нет сведений		
1849	75836	60549	15287
1850	95100	61996	33104

Таблица 3
Изменения численности крепостных крестьян между 8-й и 9-й ревизиями [9]

Губернии, области и земли	8-я ревизия (1835 г.)			9-я ревизия (1851 г.)		
	Общее число жителей муж. пола	Число крепостных людей муж. пола	Процент крепостных	Общее число жителей муж. пола	Число крепостных людей муж. пола	Процент крепостных
Воронежская	734 180	258 244	35,17	809 528	243 560	30,09
Пензенская	485 621	259 798	53,50	523 798	264 697	50,53
Тамбовская	779 835	372 066	47,71	831 406	362 142	43,56

Если рассчитывать по указанным губерниям, то в Воронежской губернии в промежутке между 8-й и 9-й ревизиями процент помещичьих крепостных крестьян от общего числа жителей мужского пола снизился на 5,08 %. В Пензенской губернии это снижение составило почти 3 %, а в Тамбовской – 4,15 % [9].

Стоит заметить, что демографические проблемы были не только у крепостных крестьян. В статье В.В. Канищева и Ю.Ю. Коньшиной «Естественное движение крестьянства Тамбовской губернии в 1830–1840-е гг.» подтверждается та громадная роль эпидемий в демографическом поведении крестьянства, о которой писали и С.Л. Хок, и С.А. Нефедов. Приведенные в указанной статье факты подтверждают серьезные «сбои» «в естественном приросте крепостного крестьянства Европейской России в 1830–1840-е гг.» и подчеркивается, что эти «сбои» затронули не только крепостных крестьян, но проявились «во всех внутрисословных группах крестьянства». В подтверждение этому сошлемся на приведенную в статье В.В. Канищева и Ю.Ю. Коньшиной таблицу, которую для удобства выносим в Приложение 1 [1, с. 122-126].

Десятая ревизия подтвердила тенденцию, связанную с сокращением крепостного крестьянства. По ее данным, во всех трех рассмотренных губерниях процент крепостных крестьян от общего числа населения в сравнении с данными 9-й ревизии снизился. Но при этом общая численность населения возросла (табл. 1). Приведем данные А.Г. Тройницкого и рассмотрим их в табл. 4 [11, с. 30, 35, 38].

Здесь мы наблюдаем численность крепостного населения на момент десятой ревизии. Сравнивая данные табл. 1 и 4, мы получаем следующие результаты: по Воронежской губернии численность крепостного населения составила около 26 % от общего числа (по 9-й ревизии было 30 %); по Пензенской губернии – 46 % (по 9-й ревизии было 50 %); по Тамбовской губернии – 37 % (по 9-й ревизии – 43 %).

Стоит заметить, что одним из факторов, влияющих на рождаемость и смертность, миграции населения, является уровень потребления, или, как это определил С.А. Нефедов, динамика сбора хлебов, оброков и барщины. Как полагает этот историк, в центральных губерниях России «душевой сбор находился на уровне, близком к минимальной норме

уже в начале столетия; это свидетельствует о том, что здесь уже существовало аграрное перенаселение, и регион с трудом обеспечивал себя продовольствием» [12].

С.Л. Хок, однако же, на примере села Петровское Тамбовской губернии полагал, что русские крестьяне были не беднее крестьян в других странах. В основном он проводил сравнение с европейскими странами. И общий вывод С.Л. Хока был следующим: «Нет доказательств того, что крепостное право оказывало отрицательное воздействие на материальные условия жизни крестьян или на продолжительность их жизни». Историк полагает социальный гнет более важным, нежели гнет экономический [13, с. 173]. С этим нельзя согласиться. Достаточно сравнивать даже не жизнь европейских крестьян и русских крепостных крестьян, а детально рассмотреть положение крепостных крестьян в России. И это сравнение будет не в пользу выводов С.Л. Хока. Вернемся к рассмотрению уровня потребления.

Итак, согласно С.А. Нефедову, «на протяжении полувека душевой сбор практически оставался постоянным; он лишь немного уменьшился, упав при этом ниже уровня минимальной нормы. Это привело к падению естественного прироста в 1833–1850 гг. до 0,16 % – уровня, при котором можно говорить о демографической стагнации. В 50-х гг. XIX века положение несколько улучшилось, по видимому, в результате ввоза продовольствия извне» [12].

Отличие в душевом сборе в Центральном и Черноземном районах было достаточно большим. В Черноземном районе оно было почти вдвое большим. И если до 30-х гг. XIX века численность населения росла большими темпами, то, как говорилось выше, эти темпы значительно замедлились в 1838–1851 гг., при этом душевое производство почти не изменилось. Увеличение естественного прироста почти вдвое началось только в 1850-е гг.

Таким образом, душевой сбор и естественный прирост населения в данном случае оказались не взаимосвязаны, но этому есть объяснение. Так, А.И. Комиссаренко указал на взаимосвязь естественного прироста в различных губерниях и долей крепостных в их населении [14]. По С.А. Нефедову, «для периода 1834–1850 гг. ...коэффициент корреляции между этими величинами составляет

Таблица 4

Численность крепостного населения на момент 10 ревизии [2]

Губернии и области	Уезды	На общем крепостном праве (тыс. человек)			
		крестьяне		дворовые люди	
		муж. пол	жен. пол	муж. пол	жен. пол
Воронежская	Воронежский	13,5	13,3	4,7	4,7
	Бирюченский	52,8	52,8	3,2	3,3
	Бобровский	27,1	27	1,4	1,4
	Богучарский	10,6	11	2	2,1
	Валуйский	13,7	13,7	2,6	2,7
	Задонский	15,1	15	2,4	2,3
	Землянский	17,7	17,6	5,4	5,2
	Корогоянский	2,8	2,6	1,4	1,4
	Нижнедевицкий	5,3	5,3	3,2	3,4
	Новохоперский	12,9	13,2	1,5	1,5
	Острогожский	31,8	32,1	3,9	4,1
Павловский	21,4	22,1	0,5	0,4	
Пензенская	Пензенский	29	30,1	3,1	3
	Городищенский	30,1	32,2	2,3	2,4
	Инсарский	27,9	29,1	1,9	1,9
	Керенский	19,6	19,8	1,6	1,5
	Краснослободский	10,6	10,9	0,8	0,8
	Мокшанский	34,5	36,1	2,3	2,2
	Наровчатский	8,6	8,4	1,4	1,3
	Нижнеломовский	20,4	22,1	1,8	1,9
	Саранский	31,7	32,9	1,5	1,4
	Чембарский	35,7	56,7	2,1	2,1
Тамбовская	Тамбовский	43	43,5	6,3	6,7
	Борисоглебский	18,7	19	2,9	2,9
	Елатомский	41,6	42,5	2,3	2,3
	Кирсановский	49,1	49,2	6,2	6,4
	Козловский	29,8	29,6	6,2	6,1
	Лебедянский	10,7	10,8	1,8	1,7
	Липецкий	6,9	7,1	2,5	2,5
	Моршанский	46,6	47,1	2,1	2,1
	Спасский	7,7	7,9	1,0	1,1
	Темниковский	19,5	19,6	2,7	2,7
	Усманский	12,2	12,2	2,8	2,8
Шацкий	44,8	45,3	2,1	2,2	

Таблица 5

Демографические и экономические показатели для губерний юга Центральной России

Показатели	Годы	Воронежская	Тамбовская	Пензенская
Естественный прирост, все население, %	1834–1850	0,649	0,318	0,379
	1851–1857	1,522	1,162	1,915
Государственные крестьяне	1834–1850	0,907	0,841	0,699
	1850–1857	1,552	1,364	0,930
Помещичьи крестьяне	1834–1850	0,209	–0,100	0,017
	1851–1857	0,887	0,486	0,291
% помещичьих крестьян	1833	0,32	0,47	0,54
Барщина, на душу	1840-е	1,662	1,741	1,763
	1850-е	1,325	1,851	1,648
Душевые посеы крепостных	1840-е	2,549	1,763	2,583
	1850-е	2,060	1,910	2,305
Отношение посев/барщина	1840-е	1,534	1,013	1,465
	1850-е	1,554	1,032	1,399
Оброк на душу	1850-е	7,10	7,48	7,70
Средний душевой надел гос. крестьян	1850-е	4,8	4,0	3,4

0,90. Это означает, что существует тесная связь: чем больше в губернии крепостных, тем меньше естественный прирост» [12].

Приведем табл. 5.

Если взять за основу выводы С.А. Нефедова, что темпы роста крестьянского населения не связаны с величиной крестьянских наделов, то можно частично согласиться с его выводом о том, что «в 1840–1850-х гг. уровень естественного прироста крепостных крестьян ... в основном определялся уровнем оброков и барщины» [12]. Стоит заметить, что этот вывод согласуется и с мнением Б.Н. Миронова о том, что если корреляция выше 0,7, то она считается высокой и говорит о том, что рассматриваемые явления (в данном случае барщина и естественный прирост населения) взаимосвязаны [15, с. 94].

По мнению В.В. Канищева, влияние барщины на демографические процессы было косвенным: «в неурожайные годы помещики привлекали крестьян на барщинные работы в самые погожие дни, оставляя им неблагоприятные дни для работы в собственном хозяйстве и обрекая на недостаточную заготовку хлебных и кормовых запасов. К тому же, вероятно, многие помещики не оказывали своим крестьянам продовольственную помощь в неурожайные годы. В итоге формировалась невозможность создавать переходящие запасы зерна. Это особенно тяжело сказывалось на крестьянской повседневности, когда неурожай происходили несколько лет подряд» [16, с. 170].

Стоит сказать и несколько слов о том, каким образом барщина влияла на динамику численности крепостного населения. Л.В. Милов со ссылкой на А.Т. Болотова писал: «Крестьянство едва успевало исправлять как собственные свои, так и те работы, которые на них возлагаемы были от помещиков, и ему едва удавалось снабжать себя нужным пропитанием» [17, с. 400]. Также Л.В. Милов отмечал, что среди барщинных крестьян становится заметным безразличное отношение к своему собственному хозяйству и даже к собственной жизни. Указывая на это явление, помещичьи инструкции содержат требования принуждать таких отчаявшихся крестьян к работе на своих наделах [18, с. 54].

Сказывался выматывающий тяжелый труд, в первую очередь он влиял на психическое состояние крестьян. Так, приказчик од-

ного из крупных имений писал: «От недостатка скота и хлеба происходит и чрезмерная бедность барщинных крестьян, доведшая их до отчаяния ... вследствие чего есть необыкновенное равнодушие к своему положению» [19, с. 49].

Заметим также, что те наделы, которые помещики оставляли своим барщинным крестьянам, едва обеспечивали прожиточный минимум при обычном урожае. Если принять во внимание расчеты Л.В. Милова и И.Д. Ковальченко, то средний надел крестьян Черноморского района в конце XVIII века составлял 1,3–1,7 десятины на душу, а к середине XIX века он уменьшился до 1,0–1,3 десятины на душу. Иными словами, тот надел, что был оставлен крестьянам, обеспечивал минимальные возможности для простого воспроизводства [17; 20, с. 263, 268]. На основе этих сведений также нельзя вполне довериться мнению С.Л. Хока, что русские крепостные крестьяне были не беднее крестьян в других странах.

А.Г. Рашин писал: «Постоянно занятые на барщине крестьяне практически не имели возможности зарабатывать деньги промыслами, поэтому, очевидно, их потребление было на уровне голодного минимума в 15 пудов. В 1850-х гг. (если верить губернаторским отчетам) урожайность уменьшилась и положение стало еще хуже. В урожайные годы оставшегося у крестьян зерна еще хватало на пропитание, но в неурожайные годы наступал голод. После резкого увеличения оброков и барщины в 1815–1825 гг. у крестьян не было запасов хлеба, и каждый неурожай приводил к резкому росту цен и к голоду» [5, с. 101].

К 1850-е г. положение стало исправляться: улучшилось эпидемиологическое положение (после эпидемии холеры), в результате чего вырос средний естественный прирост, а Крымская (Восточная) война принесла с собой инфляцию, которая повлияла и на величину оброка в плане ее снижения. Повлияло и возобновление указа Павла I о трехдневной барщине. Все эти факторы в совокупности способствовали некоторому увеличению естественного прироста крепостного населения, но, в целом, это еще не означало выхода из состояния стагнации, которая продолжалась вплоть до освобождения крестьян.

Таким образом, на колебание роста численности населения трех рассмотренных губерний и уездов юга Центральной России в 1830–1850-е гг. влияли такие факторы, как эпидемии холеры, частое распространение цинги, циклические неурожаи, сопровождавшиеся голодом, увеличение оброков и барщины, которое привело к остановке роста крепостного населения и стагнации, продолжавшейся вплоть до реформы 1861 г. Возможно, следует учитывать и изменения климата в этот период.

В целом, в 1830–1850-е гг. наблюдался рост населения в губерниях и уездах юга Центральной России. Однако при этом сокращалась процентная доля крепостного населения.

Список литературы

1. Канищев В.В., Коньшина Ю.Ю. Естественное движение крестьянства Тамбовской губернии в 1830–1840-е гг. // 17 Державинские чтения. Академия гуманитарного и социального образования. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 122-126.
2. Переписи населения. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858). Вып. 4-11. М., 1972.
3. Мякишева Е.А. Изменения численности и социального состава населения губерний и уездов юга Центральной России в 1810–1830-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 12 (164). С. 107-114. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-107-114.
4. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 15. Оп. 86. Д. 14.
5. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М., 1956.
6. Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время: в 4 т. Спб., 1882. Т. 4.
7. Шевченко М.М. Помещичьи крестьяне Воронежской губернии накануне и в период падения крепостного права: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1956.
8. Иванова-Малофеева Е.Ю. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.). Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005.
9. Кеппен П.И. Девятая ревизия. Спб., 1857.
10. Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. ст. / под ред. А.Г. Вишневого. М., 1977.
11. Тройницкий А.Г. Крепостное население в России по 10-й народной переписи: стат. исслед. Спб., 1861.
12. Неведов С.А. Об уровне жизни крестьян и движения населения в связи с динамикой сбора хлебов, оброков и барщины в 1800–1860 гг. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB12/nefedov.pdf> (дата обращения: 15.12.2016).
13. Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии: пер. с англ. М., 1993.
14. Комиссаренко А.И. Основные параметры кризиса крепостного хозяйства в аграрной сфере России в середине XIX в. URL: <http://liber.rsu.ru/Conf/Russia/komisarenko.htm> (дата обращения: 15.12.2016).
15. Миронов Б.Н. История в цифрах. М., 1991.
16. Канищев В.В. Еще раз к вопросу о «вымирании» крепостного крестьянства в 1830–1840-е гг. // Проблемы экономической истории: теория и практика: сб. ст. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2011. С. 162-176.
17. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
18. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996.
19. Федоров В.А. Крепостная вотчина России во второй четверти XIX в. // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984.
20. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.

References

1. Kanishchev V.V., Konshina Yu.Yu. Estestvennoe dvizhenie krest'yanstva Tambovskoy gubernii v 1830–1840-е gg. [Natural movements of peasant of Tambov province in 1830–1840s]. 17 *Derzhavinskie chteniya. Akademiya gumanitarnogo i sotsial'nogo obrazovaniya* [17th Derzhavin Readings. Academy of Humanitarian and Social Education]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2012, pp. 122-126. (In Russian).
2. *Perepisi naseleniya. Itogovy materialy podvornykh perepisey i reviziy naseleniya Rossii (1646–1858)* [Population Census. Summary Materials of Household Population Census and Revisions of Population of Russia (1646–1858)]. Moscow, 1972, vol. 4-11. (In Russian).
3. Myakisheva E.A. *Izmeneniya chislennosti i soslovnogo sostava naseleniya guberniy i uezdov yuga Tsentral'noy Rossii v 1810–1830-е gg.*

- [The changes in population and class composition of population of provinces and counties of the South of Central Russia in 1810–1830s]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 12 (164), pp. 107-114. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-107-114. (In Russian).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti [The State Archive of Tambov Region], fund 15, file 86, list 14. (In Russian).
  5. Rashin A.G. *Naselenie Rossii za 100 let (1813–1913). Statisticheskie ocherki* [Population of Russia for 100 Years (1813–1913)]. Moscow, 1956. (In Russian).
  6. Zablotskiy-Desyatovskiy A.P. *Graf P.D. Kisilev i ego vremya* [Duke P.D. Kisilev and His Time]. St. Petersburg, 1882, vol. 4. (In Russian).
  7. Shevchenko M.M. *Pomeshchich'i krest'yanе Voronezhskoy gubernii nakanune i v period pade-niya krepostnogo prava. Diss. ... kand. ist. nauk* [Land-lordly peasants of Voronezh province on the eve of and in the period of downfall of serfhood. Cand. hist. sci. diss.]. Voronezh, 1956. (In Russian).
  8. Ivanova-Malofeeva E.Yu. *Reforma gosudarstvennoy derevni v Tambovskoy gubernii (seredina 30-kh – seredina 50-kh gg. XIX v.)* [Reform of State Village in Tambov Province (Middle of 30s – Middle of 50s of XIX Century)]. Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2005. (In Russian).
  9. Keppen P.I. *Devyataya reviziya* [Tenth Revision]. St. Petersburg, 1857. (In Russian).
  10. Mironov B.N. *Traditsionnoe demograficheskoe povedenie krest'yan v XIX – nachale XX v.* [Traditional demographical behaviour of peasants in XIX – beginning of XX century]. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR* [Marriage, Birth, Death Rate in Russia and in the USSR]. A.G. Vishnevskiy (ed.). Moscow, 1977. (In Russian).
  11. Troynitskiy A.G. *Krepostnoe naselenie v Rossii po 10-y narodnoy perepisi* [Bonded Peasants in Russia According to 10th Census]. St. Petersburg, 1861. (In Russian).
  12. Nefedov S.A. *Ob urovne zhizni krest'yan i dvizheniya naseleniya v svyazi s dinamikoy sбора khlebov, obrokov i barshchiny v 1800–1860 gg.* [About life level of peasants and movement of population because of dynamics of innings, statute labour and labour-rent]. (In Russian). Available at: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB12/nefedov.pdf> (accessed 15.12.2016).
  13. Hock S.L. *Krepostnoe pravo i sotsial'nyy kontrol' v Rossii: Petrovskoe, selo Tambovskoy gubernii* [Serfhood and social control in Russia: Petrovskoe, settlement in Tambov province]. Moscow, 1993. (In Russian).
  14. Komissarenko. A.I. *Osnovnye parametry krizisa krepostnogo khozyaystva v agrarnoy sfere Rossii v seredine XIX v.* [Main features of crisis of bonded household in agricultural sphere of Russia in the middle of XIX century]. (In Russian). Available at: <http://liber.rshu.ru/Conf/Russia/komisarenko.htm> (accessed 15.12.2016).
  15. Mironov B.N. *Istoriya v tsifrah* [History in Numbers]. Moscow, 1991. (In Russian).
  16. Kanishchev V.V. *Eshche raz k voprosu o «vymiranii» krepostnogo krest'yanstva v 1830–1840-e gg.* [Once more to the question about “extinction” of bonded peasants in 1830–1840s]. *Problemy ekonomicheskoy istorii: teoriya i praktika* [Problems of Economical History: Theory and Practice]. Ekaterinburg, Educational and Methodical Centre UPI, 2011, pp. 162-176. (In Russian).
  17. Milov L.V. *Velikorusskiy pakhar' i osoben-nosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [Great Russian Plowman and Special Features of Russian Historical Process]. Moscow, 1998.
  18. Milov L.V. *Prirodno-klimaticheskii faktor i mentalitet russkogo krest'yanstva* [Natural and climatic factor and mindset of Russian peasantry]. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.)* [Mindset and Agrarian Development of Russia (XIX–XX centuries)]. Moscow, 1996. (In Russian).
  19. Fedorov V.A. *Krepostnaya votchina Rossii vo vtoroy chetverti XIX v.* [Peasant's land in Russia in the second half of XIX century]. *Krizis feodal'no-krepostnicheskikh otnosheniy v sel'skom khozyaystve Rossii (vtoraya chetvert' XIX v.)* [Crisis of Relationship Between Feudal Lords and Bonded Peasants in Agriculture of Russia (Second Half of XIX Century)]. Vladimir, 1984. (In Russian).
  20. Kovalchenko I.D. *Russkoe krepostnoe krest'yanstvo v pervoy polovine XIX v.* [Russian Bondmen in the First Half of XIX Century]. Moscow, 1967. (In Russian).
- Поступила в редакцию 24.02.2017 г.
Received 24 February 2017

Естественный прирост в некоторых сельских приходах Тамбовской губернии в 1834–1850 гг. [1]

Год	Государственные крестьяне								Смешанные крестьяне					Владельческие крестьяне							
	Вышенка	Грязнуша	Крюково	Кузьмина Гать	Малые Пупки	Пахотный Угол	Рудовка	Турмасово	Лукино	Б. Липовица	Калугино	Красивое	Сокольники	Алагорка	Байловка	Вердеревица	Гумны	Знаменка	Новоспаское	Раево	
1834	33	154	–	32	106	–	30	38	89	114	12	48	51	–	23	37	–	46	33	78	
1835	37	37	–4	–	139	61	88	27	40	89	130	15	–	7	16	31	20	–2	21	93	
1836	57	196	36	–	89	–	103	18	118	108	108	28	22	27	27	59	28	83	–12	91	
1837	56	206	20	–	–	91	79	39	71	130	108	12	39	7	33	16	16	91	37	105	
1838	12	228	28	60	73	51	–19	30	111	95	50	16	39	15	16	–	31	–	–12	100	
1839	37	166	17	–	82	2	78	30	16	94	110	1	13	–	15	28	24	–	19	51	
1840	4	9	15	43	79	3	–44	–9	–13	57	–83	–	10	6	49	–46	8	–8	–1	67	
1841	31	61	7	–30	–70	9	–32	–1	–46	9	–62	–22	7	6	57	–83	–3	–37	7	10	
1842	–35	14	7	–41	–47	28	–149	2	–22	–35	–	4	7	20	–32	–105	3	–72	16	–75	
1843	–9	121	7	–23	–78	24	–56	31	–18	–22	–	13	6	–17	8	–57	–3	–	12	–59	
1844	6	209	2	31	108	49	84	29	110	72	19	16	–	–17	–4	27	20	4	12	66	
1845	65	97	27	8	99	61	89	9	118	79	104	13	15	21	8	–26	11	51	17	69	
1846	57	242	32	45	37	17	92	41	55	67	100	22	9	21	–	49	4	–13	51	64	
1847	10	133	6	30	57	15	98	–29	98	102	79	9	–15	7	1	26	–6	65	13	69	
1848	11	–	9	–	83	–6	41	–38	–12	–64	31	–11	17	–19	–64	–74	12	–	–3	–136	
1849	29	–33	12	21	74	12	53	46	–115	37	–39	24	32	14	15	11	19	–38	33	28	
1850	60	20	31	34	143	66	107	49	115	104	87	21	26	16	4	35	26	72	44	90	
Итого	461	1860	252	210	974	483	642	312	715	1036	754	209	278	114	172	–72	210	242	287	711	

UDC 03.23.31

THE POPULATION CHANGES OF DISTRICTS OF THE SOUTH OF CENTRAL RUSSIA IN 1830–1850

Ekaterina Aleksandrovna MYAKISHEVA

Post-graduate Student, General and Russian History Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: kotenok.68.ru@mail.ru

The changing population of provinces and districts in the South of Central Russia in 1830–1850s is studied. The change in the size of the population of three provinces and districts in the South of Central Russia in 1830–1850s was influenced by such factors as epidemic cholera (accompanied by epidemic hunger in 1833 and 1848), scurvy, cyclical crop failures accompanied by hunger in the countryside (bad harvest and famine in 1833 in Black Earth region in 1833–1834, 1839–1840, 1848, 1856). The growth of serfdom led to stunting of serf population and stagnant, which lasted until 1861. So, from 1830s almost completely stopped the growth of the absolute number of serf population. However, in 1850s the situation was corrected in connection with the improvement of the epidemiological situation and the resumption of the Decree of Paul I of the three-day serfdom. It is important to note that during this period the demographic problems were not only among the serfs. In 1830–1850s there was an increase in population in the provinces and districts of South-Central Russia, however, the percentage of serfs reduced.

Key words: province and districts of the South of Central Russia; audit; statistics; population dynamics; corvee; servage

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-3(167)-111-120

Информация для цитирования:

Мякишева Е.А. Изменения численности населения уездов юга Центральной России в 1830–1850-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 3 (167). С. 111-120. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-3(167)-111-120.

Myakisheva E.A. Izmeneniya chislennosti naseleniya uezdov yuga Tsentral'noy Rossii v 1830–1850-e gg. [The population changes of districts of the South of Central Russia in 1830–1850]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 3 (167), pp. 111-120. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-3(167)-111-120. (In Russian)